

Наталья Петровна Перфильева

ДИАЛОГ СО СЛОВОМ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
(на материале газетных текстов спортивной тематики)

Статья посвящена рефлексии спортивного журналиста относительно употребления лексики с целью обеспечения гармоничного диалога с читателем. Дается обзор факторов диалогических отношений автора со словом.

Ключевые слова: диалог, метатекст, гармоничное общение.

...диалогический подход возможен и к любой значащей части высказывания, даже к отдельному слову, если оно воспринимается не как безличное слово языка, а как знак чужой смысловой позиции, как представитель чужого высказывания, то есть если мы слышим в нем чужой голос. (М.М. Бахтин, 1979. С. 212)

На первый взгляд тексты из спортивных изданий как объект лингвистического исследования могут показаться второсортным материалом. Однако анализ языковых средств, которые эксплицируют рефлексии авторов ряда текстов этих изданий (например, газеты «Спорт-экспресс»), позволяет оценить этот лингвистический материал как не менее серьезный, чем политический дискурс.

Основным свойством текста многие лингвисты признают коммуникативность, поскольку текст как продукт целенаправленной речевой деятельности говорящего предназначен для более или менее адекватного восприятия ее адресатом [Новиков, 1982; Пирс, 1983; Колшанский, 1984; Сидоров, 1986; Чувакин, 2002]. Подкатегорией коммуникативности мы рассматриваем диалогичность, которую в данной работе интерпретируется вслед за А. Стельмашук, М.Н. Кожиной. **Диалогичность** – фундаментальное

свойство всякой речи, которое проявляется в её ориентированности на адресата (явного / непосредственного или неявного) и обуславливает ее содержание и форму [Кожина, 1986; Стельмашук, 1993; Перфильева, 2006].

Последовательное развитие авторского замысла при создании текста базируется на прогнозе его восприятия адресатом. Следовательно, текст в конечном материальном выражении представляет собой продукт совместной коммуникативной деятельности автора и адресата, «приобретает черты речеповеденческого акта, а поведенческий акт, рассчитанный на восприятие его другим, всегда семиотичен, то есть подлежит интерпретации» [Арутюнова, 2003.С. 13].

Известно, что текст как целое с позиции говорящего имеет бинарную структуру, включающую базовый и метатекстовый компоненты [Вежбицка, 1978; Перфильева, 2006]. Между ними складываются внутритекстовые диалогические отношения, поскольку метатекстовый компонент есть множество вербальных и невербальных знаков, передающих рефлексия автора / говорящего относительно особенностей собственного речевого поведения (его манеры, логики изложения, структурирования высказывания, перехода от одной части к другой, ранжирования информации по степени значимости, выбора используемых лексических и фразеологических единиц). Метатекстовый компонент отчетливо в той или иной мере представляет чужую смысловую позицию, чужой голос, т.е. эксплицирует то, о чём писал Ш. Балли: «...присутствие других лиц или мысль о них может оказывать давление на нашу речь» [Балли, 2003. С. 35].

Адресат спортивных изданий – болельщики, многие из которых принадлежат к фанатскому движению, – характеризуется «взрывоопасностью», ранимым, болезненным, трепетным отношением к репутации своей команды, своего спортивного клуба, часто отсутствием толерантности к соперникам и их болельщикам.

Следовательно, спортивный журналист вынужден под давлением фактора адресата регулярно осуществлять метаязыковую деятельность и выражать её в

уместном, коммуникативно целесообразном выборе языковых средств и их комментировании с помощью метатекста.

Действительно, значительный корпус метапоказателей предназначен для экспликации коммуникативной, или прагматической, программы высказывания. Судя по языковым средствам, эксплицирующим внутритекстовые **диалогические отношения автора со своим словом**, у спортивных журналистов проблема выбора словесной формы выступает как самостоятельный пункт этой коммуникативной программы, например: 1) *Когда главный тренер едва ли не в каждом публичном выступлении комментирует (**читай** – критикует) действия клубного руководства (и прежде всего – нового президента ФК «Зенит» Сергея Фурсенко), это означает: должного контакта между ними нет* (Спорт-экспресс. 2006. № 90); 2) *Это выгодно: содержание искусственных полей обходится дешевле, на стадионах можно проводить концерты и другие мероприятия без боязни ущерба от топота, **простите**, копыт. Футбольная федерация и профсоюз футболистов высказались «за»* (Спорт-экспресс. 2008. № 149); 3) *Людей на велосипедах (**умышленно не называю их велосипедистами**) было много, очень много* (Спорт-экспресс. 2008. № 115).

Опытный спортивный журналист, имея навык речевой рефлексии, благодаря своему высокому личностному интеллекту, уровню духовности, языковому вкусу, может сопровождать выбор номинации метаязыковой интерпретацией в виде 1) оценочного прилагательного или 2) целого метавысказывания, например: 1) *В «Металлурге» начинали свой творческий путь великие (в данном случае **обесцененное сегодня слово от частого употребления к месту**): тренер Борис Аркадьев, футболисты Григорий Федотов и породнившийся с ним через годы Константин Бесков* (Спорт-экспресс. 2006. № 121); 2) *Смолчали и футболисты. Совесть (если в данном случае применимо это слово) не позволила им встать в позу униженных и оскорблённых* (Спорт-экспресс. 2008. № 38); *Калиниченко – ещё один подыгрывающий, страдающий синдромом, схожим с титовским. На то,*

чтобы тащить на себе всю игру, держать мяч, отрабатывать 90 минут в атаке и в центре поля, будучи при этом плеймейкерами, этих двоих уже (с прискорбием приходится употреблять это слово) не хватает (Спорт-экспресс. 2008. № 160); Конечно же, российскому слонопотаму (для этого состава сравнение с медведем звучит мелкогато), в принципе, ничего не стоит раздавить любые приспособления этого конкретного соперника (Спорт-экспресс. 2008. № 102).

В этом случае они отражают субъективное отношение адресанта к употребляемой языковой единице: ассоциативные связи с какой-либо ситуацией, лексикой, его индивидуальное толкование слова с опорой на внутреннюю форму, ложную этимологию, вкусовые и идеологические предпочтения, критическое отношение к языковой моде и т.д. И хотя оценочные метапоказатели, являющиеся именами прилагательными, развернуто выражают рефлексию говорящего относительно выбора лексики, однако их доля при сплошной выборке метапоказателей из материалов спортивной тематики незначительна. Метаязыковая деятельность спортивного журналиста гораздо чаще эксплицируется семасиологическими или лексикологическими метапоказателями.

Метапоказатели, о которых идет далее речь, эксплицируют различные интенции журналиста, но все они связаны с **его заботой о своем профессиональном имидже**. Поэтому один из факторов диалогических отношений в тексте мы называем эгоцентрическим.

Говорящий, в том числе и спортивный журналист, обычно опасается самопрезентации как лингвистически некомпетентной или недостаточно компетентной языковой личности. Поэтому он эксплицирует свою метаязыковую деятельность, например: *Лёд есть, пламень есть, а что же тогда «Зенит»? Золотая середина – вот что! С ударением на «золотая», естественно (Спорт-экспресс. 2010. № 104); В письме судьи констатируют, что на месте Круга и Буланова мог оказаться любой другой арбитр, поскольку дело не в них, в существующей «Системе» (именно так – в кавычках и с*

большой буквы). В чем именно заключается эта система не объясняется (Спорт-экспресс. 2010. № 89). Адресант может даже заниматься, выражаясь словами Б.С. Шварцкопфа, «**речевой самокритикой**» [Шварцкопф, 1970], принося извинения за нарушение каких-то языковых норм (грамматических, акцентологических, орфоэпических и семантических). Особенно часто эта интенция проявляется в его стилистическом самоконтроле, который адресант осуществляет, вероятно, иногда по инерции, автоматически.

Поскольку одной из тенденций функционирования русского языка в России постсоветского периода, как справедливо отмечается в современной лингвистической литературе, является снижение высокого стиля, экспансия разговорных элементов, а также грубой и жаргонной лексики / фразеологии в литературный язык [Вепрева, 2002]; то особенно актуально звучит мысль М.М. Бахтина о диалогических отношениях между функциональными стилями, социальными диалектами и т.п., если их рассматривать как своего рода языковые мировоззрения, смысловые позиции [Бахтин, 1979].

Журналист, не учитывающий фактор Адресата и не предъявляющий требований к выбору лексики / фразеологии, приемлемой в данной коммуникативной ситуации, может спровоцировать конфликт «мировоззрений» между теми, кто подвержен влиянию языковой моды в прямом и переносном смысле, и консерваторами в хорошем смысле слова.

Неслучайно ситуация коммуникативного напряжения частотна и регулярна при употреблении лексики ограниченного употребления (терминов, профессиональной лексики, жаргонизмов, диалектизмов, неологизмов, архаизмов и т.д.)

Спортивный журналист обычно ясно осознает «мировоззренческую» функцию употребляемого им языкового кода, может даже извиниться, и поэтому в спортивной прессе регулярно встречаются метапоказатели, которые мы называем **лексикологическими**. Они обычно сообщают такие характеристики о вербальном компоненте, как принадлежность к той или иной группе лексики активного / пассивного запаса, функциональному стилю и т.д.,

и построены по моделям: а) глагол речи *выражаясь / говоря* + прилагательное + имя существительное *язык* (или контекстуальный синоним *термин, терминология, сленг*) в Тв. п.; б) глагол речи *выражаясь* + имя существительное *язык* (или контекстуальный синоним *термин, терминология, сленг*) в Тв. п. + имя сущ. в Род. п.; в) *называется на* + прилагательное + имя существительное *язык* в П. п.; г) *как говорят* + имя существительное в Им. п. мн. ч., например:

а) *Говоря баскетбольным языком, концовка была валидольной* (Российская газ. 2004. № 47); *Однажды все равно сделаю, выражаясь футбольной терминологией, хет-трик* (Спорт-экспресс. 2008. № 38); б) *Однако ради удачи во всей партии, выражаясь языком шахматистов, приходится идти на жертвы* (Спорт-экспресс. 2002. № 77); в) *Всё остальное время он посвятил тому, что на футбольном языке называется «таскать рояль»* (Спорт-экспресс. 2008. № 181); г) *«Динамо», потерявшее квартет игроков атаки, а с ним шарм, массу своих фирменных козырей и безусловных достоинств, явно играло в Приморье, как говорят футболисты, по счёту* (Спорт-экспресс. 2008. № 160).

Судя по нашей базе данных, в спортивной прессе лексикологические метапоказатели преимущественно включают в свой состав лексические единицы из тематической группы «Спорт», что естественно, поскольку эти метапоказатели обычно являются комментарием к словам и выражениям, принадлежащими профессиональному сленгу спортсменов. Конечно, одной из движущих сил метаязыковой деятельности спортивного журналиста является отклонение от стандартного, стереотипного способа языкового выражения; однако, как свидетельствует языковой материал, употребление этих метапоказателей не всегда уместно, может быть избыточным, например: *Дальнейшие матчи покажут, как он умеет, выражаясь боксёрским языком, держать удар* (Спорт-экспресс. 2003. № 81). Выражение *держат удар* давно является узуальной метафорой и освоено литературным языком.

Обращение к спортивному сленгу часто бывает продиктовано стремлением

журналиста к созданию экспрессии газетного материала, например: *В своих репортажах я частенько использую профессиональный слэнг гроссмейстеров. Есть в нём такое страшное выражение «не вышел из дебюта» . Что это значит, думаю, понятно без лишних слов... Если перевести с шахматного эсперанто на общечеловеческий язык, это примерно то же, что умереть в колыбели. Нечто подобное произошло в этой партии с Русланом. Он не вышел из дебюта... Он выполз из него, как шахтёр из предательского завала* (Спорт-экспресс. 2002. № 52).

Итак, коммуникативная программа говорящего – **выбор словесной формы** – обусловлена, с одной стороны, лингвистической компетенцией, а главное, языковым вкусом адресанта, то есть, по определению В.Г. Костомарова, «системой идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи», отображающих «то или иное ценностное отношение человека к языку, способность интуитивно оценивать правильность, уместность, эстетичность речевого выражения» [Костомаров, 1999. С. 29].

С другой стороны, фактор Адресата существенно влияет на характер диалогических отношений в тексте. Коммуникативная стратегия спортивного журналиста как профессионала, состоящая в экспликации метатекста, имеет цель – **предупреждение конфликта** – и может быть преднамеренной.

Во-первых, не столько заботясь о собственном имидже, сколько предупреждая негативную реакцию адресата, журналист в спортивных материалах регулярно употребляет метапоказатель *мягко говоря / как бы помягче выразиться*, поскольку осознаёт, что коннотативный компонент лексического значения выбранной номинации может сделать высказывание резким, категоричным, грубым (эту интенцию неоднократно отмечают в литературе [Шмелева, 1984; Ляпон, 1986, Трипольская, 1995]). Рассмотрим типичные контексты: а) *Вот только его обычные десять голов – норматив бомбардира, как бы помягче выразиться, не высшего разряда* (Спорт-экспресс. 2005. № 65); *Сразу несколько позвонивших в студию москвичей*

(болельщиков «Спартака»!) сказали, что будут всей душой болеть за «Зенит», что в манчестерском финале, они видят главное или одно из самых важных футбольных событий века. В 2005 году почитатели красно-белых относились к походу ЦСКА за Кубком УЕФА, **мягко говоря**, холоднее. А ведь «Зенит» тоже принципиальный соперник «Спартака» на домашней арене (Спорт-экспресс. 2008. № 210). Метаэлемент, как знак рефлексии адресанта относительно целесообразности употребления правого контекста, является сигналом того, что выбрана деликатная форма выражения мысли – не преувеличение, а скорее, эвфемизм.

Итак, с целью гармонизации общения эта коммуникативная программа может быть реализована с помощью метасредств, имеющих прозрачную внутреннюю форму, обозначающих «я контролирую собственную речевую деятельность и приношу свои извинения по поводу отклонения от стандарта, нарушения кодекса вежливости» и выполняющих функцию коммуникативного «амортизатора»: **не побоюсь этого слова, осмелюсь сказать, если можно так выразиться / сказать, как бы выразиться поприличнее / поделикатнее / покорректнее / помягче.**

Далее, в ряде случаев журналист проявляет коммуникативную осторожность, употребляя лексикологические метапоказатели, например: *После матча «Локомотив» - «Зенит» голкипер железнодорожников Сергей Овчинников, **выражаясь официальным языком**, «позволил себе оскорбительные жесты и нецензурную брань в адрес соперников и судейской бригады»* (Спорт-экспресс. 2003. № 240). Как видим, метапоказатель **выражаясь официальным языком** в данном случае употребляется не столько как стилистический маркер, сколько как средство выражения вместе с кавычками чужой – официальной – позиции. Далее автор с помощью метапоказателя **проще говоря** вводит свою интерпретацию чужой речи: **Проще говоря** – *выместил на них злость от поражения, в котором, с его точки зрения, был виноват в том числе и арбитр, пропускавший мелкие нарушения со стороны гостей* (там же).

Во всех рассмотренных контекстах с метапоказателями, имеющими значение «речь и его характеристика» сталкиваются как противоположные интенции Говорящего: с одной стороны, забота о собственном имидже, а в связи с этим иногда и страны или социума, который представляет говорящий, а с другой – стремление быть искренним (как мы ранее писали, искренность социумом обычно не поощряется [Перфильева, 2006]).

В-третьих, носитель русского языка традиционно стесняется торжественной тональности, пафоса, так называемых высоких слов, опасается нарушить правило речевого поведения – «не преувеличивай» (см. работы Т.В. Шмелёвой [Шмелева, 1984; Шмелева 1987]), показаться нескромным или льстецом, ср.: *Что же дают этим юношам, которые, громко говоря, с такой жадностью стремятся к этому источнику знания?* (В. Дорошевич. Русский язык).

Эта интенция раньше, скорее, была свойственна некоторым языковым личностям. А в перестроечный и постперестроечный период носители русского языка, устав от пафоса, торжественной риторики предшествующего периода, регулярно употребляют метапоказатели *не побоюсь громких слов, громко говоря, высокопарно выражаясь, высокие слова* и др., эксплицирующие, что торжественная тональность, пафос высказывания оценивается как отклонение от нормы, например: 1) *Ну зачем такие громкие слова? Мы ведь с вами не о Ленине говорим* (Спорт-экспресс. 2003. № 200); 2) *Нынешним летом Макаров выступает блистательно – другого слова и не подберешь* (Спорт-экспресс. 2002. № 145); 3) *Но тем не менее Савченко героически, как написать иначе, выходит на корт со своими подопечными* (Труд. 2005. № 175); 4) – *Оборона не превратится для вас в головную боль? – Форварды нам тоже не помешали бы. Но «головная боль» слишком громко сказано* (Спорт-экспресс. 2005. № 2); 5) *Он не просто победил Пономарева с Крамником, но и в каждом отдельном поединке продемонстрировал, выражаясь высоким стилем, исключительно глубокое проникновение в тайны шахмат. И феноменальную подготовку, конечно* (Спорт-экспресс. 2003. № 15).

В-четвёртых, прогнозируя ситуацию коммуникативного напряжения, компетентный в коммуникативном плане журналист чаще всего связывает с заботой о ясности и точности своего высказывания с помощью экспликации стратегии «одно-однозначное соответствие плана выражения высказывания плану содержания мысли».

Эта стратегия реализуется с помощью семасиологических метапоказателей: *в прямом / буквальном значении – в переносном значении, фигурально выражаясь, в широком значении / понимании слова – в узком смысле слова, в общепринятом смысле, в высоком смысле слова - в обыденном смысле слова.*

Чаще всего коммуникативные помехи, как известно, возможны при употреблении выражения с «двойным дном» (фразеологизма, крылатой фразы) в прямом значении, например: 1) *Другой капитан – российской сборной – Смертин трудился засучив рукава, исключительно **в прямом смысле слова**. Не испугавшись стылой весны, он оказался единственным из своих коллег, кто вышел на матч в футболке с короткими рукавами* (Спорт-экспресс. 2006. № 90); 2) *Тем самым был дан ответ на один из предметчевых животрепещущих вопросов. Покров таинственности с другого – о состоянии поля – был **снят в буквальном смысле слова**, когда за полчаса до тренировки «Зенита» сотрудники «Петровского» начали скатывать специальную плёнку, укрывавшую поле с осени* (Спорт-экспресс. 2011. № 29); 3) *Дозвониться лауреату удалось, когда он **в буквальном смысле слова** сидел на чемоданах – рано утром в детройтском аэропорту, только-только пройдя досмотр* (Спорт-экспресс. 2008. № 160).

Коммуникативные помехи возможны также и в связи с несовпадением а) ассоциативной ауры одного и того же слова в индивидуальном сознании индивидов, б) лексического значения слова при кодировании и декодировании высказывания.

а) Интерпретация лексического значения слова «как часто не научного, а «житейского» понятия о соответствующем предмете, осложненном иногда

различными культурно-историческими и эмоциональными ассоциациями», шлейфом [Денисов, 1993. С. 66], приводит нас к мысли о несовпадении образно-ассоциативных комплексов [Телия, 1988], ассоциативной ауры одних и тех же слов [Болотнова, 1994] в сознании говорящего и адресата, например: *Тот же Маццола говорил, что раньше русские (в смысле советские) всегда были сильнее оппонентов физически* (Спорт-экспресс. 2003. № 229). Прогноз несовпадения ассоциативной ауры слова у журналиста и адресата эксплицируется с помощью типичных семасиологических метапоказателей: **в большом смысле слова, в высоком смысле слова, в лучшем смысле слова, в полном понимании слова, в хорошем смысле слова, во всех смыслах** и др., например: *Из скромного, общительного парня, всегда готового пошутить пообщаться с журналистами, Тео превратился в суперзвезду в худшем смысле этого слова* (Спорт-экспресс. 2008. № 6).

б) Полисемия, и омонимия являются также фактором коммуникативного «риска», и употребление метапоказателя или метатекстового ряда обеспечивает смысловую ёмкость высказывания, например: *Арбитр из Уэльса позволял обеим командам бороться (иногда в прямом смысле слова) и выдерживал эту линию почти до конца – молчал даже в тех случаях, где 95 процентов судей свистят* (Спорт-экспресс. 2007. № 209); *Вспоминая прежние годы, когда арбитров не пинал (причём не только в переносном, но и в прямом смысле слова) только ленивый, столь массовый отказ от комментариев работы судей может создать иллюзию того, что обсуждать по большому счёту нечего* (Спорт-экспресс. 2011. № 2).

Как показывает материал, журналист осознанно или интуитивно «работает» с семасиологическими метапоказателями, так же как и с акцентирующими частицами, рассматривая их, во-первых, как средство актуализации самого важного в данном текстовом фрагменте слова, например: 1) *Кто, скажите, способен в теперешнем «Спартаке» играть в первородном, истинном значении этого слова? Не бороться, не драться, не мериться злостью спортивной и неспортивной (как Ковач в субботу), не сдавать*

тренеру тест на квасную патриотическую безголовость, а творить (Спорт-экспресс. 2008. № 160); 2) Вот и получается, что в группе остаются самые отчаянные в плохом смысле этого слова, самые незащитные, за которых некому заступиться, и самые беспринципные. При этом все они – милые, хорошие ребята, которые просто понимают, что иного шанса у них в жизни нет и не будет, и которые видали в жизни такое дно, что нам и не снилось. А лучших с физиологической, психологической и моральной точки зрения система попросту вытесняет (Спорт-экспресс. 2009. № 61).

А во-вторых, в данном случае метапоказатель выполняют динамическую функцию – движения текста и реализации линейных отношений. Выделенное слово развёрнуто интерпретируется благодаря метапоказателю и смысловым нитям, которые тянутся к правому контексту.

Нередко спортивному журналисту отказывает чувство меры и введение семасиологического метапоказателя бывает избыточно, например: *Он чрезвычайно техничен, довольно быстр, силен физически, умеет играть в пас, отходить назад, обладает прекрасным ударом, а в игре головой ему вообще нет равных. При всем при этом не эгоист, умеет мыслить на поле и работать на пользу дела, не гнушается черновой работой. Тем не менее для того, чтобы достичь той высоты – в переносном смысле, – на которой Круч находится сейчас, ушли многие годы* (Спорт-экспресс. 2003. № 229). В условиях данного контекста и без метапоказателя легко прочитывается фразеологизм *быть на высоте*.

Итак, высокий профессионализм журналиста обусловлен тесным взаимодействием двух факторов – альтруистическим (действия в пользу адресата) и эгоцентрическим (забота о своих интересах).

Однако в контексте данного исследования обратимся к типичной ситуации, когда Говорящий занимается поиском слова или языковой формы высказывания, наиболее адекватно отражающей его мысль, под влиянием когнитивного фактора, который в ряде коммуникативных ситуаций выдвигается на первый план. «Взвешивание» каждого слова особенно очевидно

эксплицируется в пояснительных структурах, которые имеют вид либо вставок пояснительного характера [Перфильева, 1994; Гаврилова, 2003], либо пояснительных конструкций [Прияткина, 1990; Перфильева, 2006]. При прогнозе непонимания или недопонимания адресатом высказывания журналист может использовать осознанную коммуникативную стратегию «квазиситуация номинативного затруднения» («я нахожусь в состоянии поиска слова или наиболее точной словесной формы, адекватной моему коммуникативному замыслу»). Часто в этом случае адресант имитирует операцию, как будто он пытается исправить оговорку в высказывании с помощью а) пояснительной (метапоказатели *точнее сказать, лучше сказать, вернее, точнее*) или б) градационной (*если не сказать*) конструкции, например: а) *Ответ лежит на поверхности: Тихонов остался один. **Точнее** – остался бы, иди он дальше напролом* (Спорт-экспресс. 2004. № 30); б) *Для полноты картины упомяну и о них, хотя отдельные предположения автору показались надуманными, **если не сказать** – бредовыми* (Спорт-экспресс. 2005. № 49); *С одной стороны, пример бедного (**если не сказать** нищего) «Партизана» достаточно показателен* (Спорт-экспресс. 2010. № 130).

Коммуникативная стратегия «квазиситуация номинативного затруднения» используется для линейного развертывания мысли, а поиск точного плана выражения двигает мысль, а значит, и текст. Движение мысли в этом случае базируется на соединении контрастных или просто дифференциальных сем сталкиваемых слов (контексты группы б), грамматических различий (сталкиваются формы, различающиеся наклоном, как в примере а), экспрессивно-стилистическим компонентом. Метатекст свидетельствует о способности Говорящего отмечать в значении слова тончайшие, коннотативные элементы смысла.

Коммуникативные неудачи, по наблюдениям О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, могут быть спровоцированы приблизительностью знания, которым владеют представители даже высокообразованной части общества [Ермакова, 1993], например: *Но вернулся в Италию, попал на первые матчи*

нового сезона (вернее, на последние товарищеские матчи межсезонья) и сразу понял, что меня ввело в заблуждение в России (Спорт-экспресс. 2005. № 49). Поэтому журналист с помощью пояснительной конструкции выравнивает пресуппозиции участников коммуникации на всякий случай. Часто описанный механизм намеренно используется как особый прием с целью – наиболее точно, многогранно, детализированно представить какое-то событие или его интерпретацию.

Итак, выделены 3 фактора диалогических отношений в текстах спортивной прессы. Они описаны отдельно друг от друга с исследовательской позиции, а на самом деле действуют, как правило, одновременно, усиливая друг друга. Журналист, вступая в диалог со своим словом, как правило, решает с помощью метатекста разные коммуникативные задачи: он заботится о собственном имидже как профессионале и одновременно добивается таких качеств речи, как ясность и точность, экспликация коннотативных характеристик. Иными словами, «событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, – как справедливо определяет М.М. Бахтин, – всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин 1997: 232]. А ясность и точность выражения мысли обеспечивается под воздействием когнитивного фактора, в том числе иногда в виде коммуникативной стратегии «квазиситуация номинативного затруднения».

Список литературы

Арутюнова Н.Д. О работе группы «Логический анализ языка» института языкознания РАН // Логический анализ языка: Избранное. 1988–1995: сб. ст. / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2003. С. 7–23.

Балли Ш. Язык и жизнь: пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 230 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Изд-во Томск. пед. ин-та, 1994. 210 с.

Вежбицка А. Метатекст в тексте: пер. с польск. // Новое в зарубежной

лингвистике: Вып.8. Лингвистика текста / под ред. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С.402–421.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2002. 379 с.

Гаврилова Е.И. Вставки в текстоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003. 23 с.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1993. 244 с.

Ермакова О.П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1993. С. 30–64.

Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1986. 90 с.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М: Наука, 1984. 175 с.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. 3 изд. СПб., 1999. 320 с.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.

Новиков А.И. Лингвистический и экстралингвистический элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / под ред. Н.А. Слюсаревой. М.: Наука, 1982. С. 10–22.

Перфильева Н.П. Семантико-прагматические потенции вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знаков в тексте: сб. ст. / под ред. Т.А. Трипольской. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1994. С. 38–46.

Перфильева Н.П. Метатекст в свете текстовых категорий. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 284 с.

Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики. Grammatica speculativa»: пер. с англ. // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 151–210.

Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.:

Высш. шк., 1990. 176 с.

Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 140 с.

Стельмашук А. Диалогизация и способы ее реализации в различных речевых сферах современного русского языка (художественная и научная проза): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 34 с.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / под ред. В.Н. Телии. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

Трипольская Т.А. Косвенные высказывания как средство описания языковой личности // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: тез. докл. международн. научн. конф. Екатеринбург, 1995. С. 71–72.

Чувакин А.А. Об условиях функционирования текста // *Человек – Коммуникация – Текст*. Вып.5: сб. ст. / под ред. А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 76–14.

Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи: сб. ст. / под ред. В.Г. Костомарова, Л. И. Скворцова. М.: Наука, 1970. С. 277–304.

Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русск. яз. за рубежом. 1984. № 1. С. 72–77.

Шмелева Т.В. Средства выражения метасмысла *преувеличение* // Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск, 1987. С. 82–92.